

Шэн Цзяньвэй фыркнул:

— Ты всё ещё со мной юлишь.

Он шлёпнул Хуа Чжаошуй по щеке:

— Берегись, умный может сам себя сгубить. Продолжишь хитрить — я действительно вырву твой язык. Немой слуга — самый спокойный.

Лицо Хуа Чжаошуй побледнело, и он поспешно соскользнул с его колен, опустившись на колени у ног:

— Я не смею лгать молодому господину.

Шэн Цзяньвэй спросил:

— Ты не спешил домой? Чего не уходишь?

Хуа Чжаошуй не понял намёка и не решался шевельнуться. Подумав немного, он произнёс:

— Я... Я подожду, пока молодой господин отдохнёт, а потом уйду.

— Ты мне не нужен, — Шэн Цзяньвэй велел убрать всё. Он посмотрел на него сверху вниз:

— Почему всё ещё здесь? Не наелся?

— Нет, — дрожащим голосом ответил Хуа Чжаошуй. — Молодой господин, мне правда нужно пойти доложить госпоже?

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него и промолчал.

Хуа Чжаошуй подполз ближе, поднял голову и умоляюще заглянул ему в глаза:

— Молодой господин, я правда боюсь. Госпожа и так не любит такие дела. Если я расскажу, мне конец. Пожалуйста, сжальтесь надо мной.

Шэн Цзяньвэй, увидев его испуганный вид, рассмеялся. Он подтолкнул того пальцем в лоб:

— Иди скорее.

Хуа Чжаошуй заколебался, умоляюще посмотрел на него несколько раз и, не встретив реакции, медленно поднялся и ушёл.

Когда он вернулся домой, уже совсем рассвело. Хуа Цюань давно ушёл работать в дом Шэн, и только А Ин ждала его. Она накладывала ему еду и спрашивала:

— Почему ты так поздно вернулся? Какой-нибудь господин опять тебя обидел?

Хуа Чжаошуй, грызя палочки, немного подумал и ответил:

— Это второй молодой господин...

— Опять он? — рука А Ин замерла, она отложила палочки. — Что он опять натворил? Ты испугался?

Хуа Чжаошуй покачал головой, лицо его вытянулось:

— Он сказал, что попросит госпожу отдать его к нему во двор. Мама, если он правда попросит, она согласится?

Лицо А Ин стало ещё мрачнее:

— Это зависит от того, как он попросит. Он господин, и для него взять слугу — всё равно что завести кошку или собаку. Но есть одно «но»: если это разгневет госпожу и вызовет у неё дурные мысли о тебе, жить тебе станет туго.

Хуа Чжаошуй кивнул, рассеянно прожевал пару кусочков:

— У второго молодого господина слишком тяжёлый характер. Я не хочу служить ему.

А Ин лишь вздохнула:

— Здесь не тебе решать, хочешь ты этого или нет.

После этого разговора Хуа Чжаошуй испугался ещё больше. Хотя старшая госпожа обычно казалась доброй и простой, любой слуга, осмелившийся соблазнить хозяина, был бы жестоко наказан. Тем более если речь о втором молодом господине, которого госпожа любила больше всех, иначе не избаловала бы его так.

К тому же, если бы он действительно пошёл служить в его покои, кто знает, что бы люди говорили. В Западном саду уже забрали двоих. Даже если ничего непристойного и не было, сплетен бы всё равно хватало. Они ведь были актёрами: пели на сцене или на постели у хозяина — для окружающих разницы никакой.

Но даже если бы он и правда оказался в постели хозяина, в этом глубоком доме никто бы этому не удивился. Какой молодой господин не любит послушных и красивых? Пока хозяину они в новинку, но когда наскучат — судьба их будет незавидна.

Хуа Чжаошуй, подметая галерею в покоях госпожи, тяжело вздыхал. Как ни крути, он чувствовал, что этой участи не избежать.

Как раз мимо проходила Су Сюэ с коробкой пирожных. Услышав его тяжёлые вздохи, она остановилась рядом и окликнула его:

— Эй!

Хуа Чжаошуй чуть не подпрыгнул от испуга.

— О чём ты думаешь? Всё вздыхаешь.

Хуа Чжаошуй успокоился, но лицо по-прежнему было страдальческим. Он вяло размахивал веником:

— Сестрица, мне кажется, мои дни сочтены.

— Это почему?

Хуа Чжаошуй рассказал самое главное и с горечью спросил:

— Второй молодой господин просто пугает меня? Я всего лишь пою песенки, зачем он так за мной следит? Десяти моих жизней не хватит, чтобы выдержать его выходки.

Су Сюэ рассмеялась, открыла коробку, взяла кусочек и подсунула ему в рот:

— У второго молодого господина правда характер не сахар, но если бы он всерьёз хотел забрать тебя к себе, он бы не стал вредить тебе. Хватит вздыхать, а то госпожа услышит и вправду рассердится.

Хуа Чжаошуй с набитым ртом пирожным кивнул.

Су Сюэ закрыла коробку:

— Не волнуйся, если госпожа и правда рассердится, я за тебя заступлюсь. Вкусно?

Хуа Чжаошуй кивнул и улыбнулся ей.

Су Сюэ улыбнулась в ответ:

— Это дар госпожи. Я позже принесу тебе ещё пару штук.

Когда Су Сюэ ушла, Хуа Чжаошуй, жуя пирожное, размышлял над её словами. Но ничего не мог понять. Пришлось лишь молиться: только бы второй молодой господин не был лишён рассудка.

Хуа Чжаошуй жил в страхе несколько дней, но обнаружил, что этот молодой господин не только не доставляет ему неприятностей, но даже не появляется у госпожи. Обычно он приходил почтить её, но уже четыре-пять дней его не было видно.

Сначала он специально держался подальше, чтобы избежать встречи с молодым господином, поэтому только сейчас заметил неладное. Госпожа в последнее время была не в духе, и Су Сюэ, входя и выходя, тоже не улыбалась.

С трудом поймав Су Сюэ, Хуа Чжаошуй узнал, что с молодым господином случилась беда — несколько дней назад в покоях императора появился убийца, и в ту ночь как раз дежурил Шэн Цзяньвэй. Всю гвардию Юйлинь признали виновной, и сейчас их держали в тюрьме министерства наказаний.

Хуа Чжаошуй судорожно вздохнул. Даже в доме Шэн, когда слышал, что кого-то заперли в дровянике, ему было страшно. А теперь такой человек, как второй молодой господин, угодил в тюрьму! Что с ним будет?

Он спросил ещё:

— Неужели молодому господину достанется? Разве господин и старший молодой господин не заступятся?

Су Сюэ покачала головой:

— Это серьёзное дело, господину и старшему сыну сейчас трудно подавать голос. К счастью, император не излил гнев на семью Шэн, мы уже должны благодарить небо.

Хуа Чжаошуй беспокоился:

— А за что это? Когда его выпустят?

Су Сюэ снова покачала головой:

— Наверное, зависит от настроения императора... Я не понимаю, лишь надеюсь, что с молодым господином всё будет хорошо. Госпожа эти дни почти не спит, вечно с нахмуренным лицом.

Пока они говорили, прибежал слуга и срочно сообщил:

— Су Сюэ, ты здесь! Беги скорее доложить госпоже, из дворца пришли вести. Молодого господина лишили годового жалования и высекли палками, но больше ничего, его выпускают!

Брови Су Сюэ тотчас разгладились, она поспешно спросила:

— Точно? Всё в порядке?

Слуга кивнул, радуясь:

— Точно! Старший молодой господин передал, велел сначала сообщить госпоже, чтобы успокоить её.

— Хорошо, хорошо, — Су Сюэ взглянула на Хуа Чжаошуй. — Главное, что человек вернётся. Я пойду доложить госпоже.

Хуа Чжаошуй смотрел, как Су Сюэ уходит, и спросил слугу:

— Его ещё и били? Сильно?

Слуга вздохнул:

— В тюрьме бьют, ты сам подумай... Но то, что его выпустили — уже хорошо. Его не лишили должности, значит, император всё ещё милостив к дому Шэн.

Хуа Чжаошуй ничего не понимал, просто кивнул и пошёл работать дальше.

Он думал, что хоть у второго молодого господина и тяжёлый нрав, но он ему ничего плохого не сделал. В Праздник середины осени он у него в покоях отлично поел. Хуа Чжаошуй не хотел служить этому господину, но и не желал ему зла.

Он мыл чайные чашки и думал: когда молодой господин вернётся, можно спеть ему песенку, чтобы развеселить.

Молодой господин вернулся под вечер. Хуа Чжаошуй его не видел, но слышал, что тюремные палки — это не шутки. Молодому господину, если не отдохнёт с полмесяца, не встать.

Хуа Чжаошуй примерялся, когда бы сходить навестить молодого господина, но всё ещё боялся его. Два-три дня он колебался, так и не решившись. Он ещё не собрался с духом идти в южный двор, как госпожа сама позвала его и сказала, что молодому господину скучно, он хочет послушать его пение. Ему велено переехать туда пожить на несколько дней, а когда молодой господин поправится — вернуться.

Хуа Чжаошуй похолодел: он-то хотел спойти разок, а не переезжать! Жить рядом с этим молодым господином — он точно со страху свихнётся.

<http://bllate.org/book/16756/1562736>